

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

ВКУС МОЕГО ВРЕМЕНИ

СЕРДЕЧНОСТЬ

Соплеменник мой, человек занятый,
сделай усилие над собой —
остановись, присядь, подумай.
Небось, устал от погони за достатком —
призрачной радостью золотой,
отодвигая итоговые раздумья
до предстоящих медовых дней.
Тяжело, что и говорить, жить
в условиях непрерывного бега,
ни отдыха телу, ни покоя душе, —
словно оголодавшие птицы
в многодневный губительный мороз.
Это совсем не русская забава:
хвалиться, у кого больше денег
и кто в жизни важней и сильней.
Поверь: с деньгами ты не станешь
ни умней, ни здоровей, ни счастливей,
не прибавишь к себе уваженья
и любовь не заслужишь никогда.

АНДРЕЕВ Владимир Петрович родился 2 декабря 1947 года в деревне Мордовские Каратаи Татарской АССР. Окончил Казанский государственный университет и Северо-Кавказский государственный технический университет. Служил в рядах Советской Армии. Работал агрономом, инструктором орготдела Камско-Устьинского РК КПСС, избирался главой города Радужного. Автор многих книг. Член Союза писателей России. Живёт в Нижневартовске.

По нутру нам ближе и дороже
во всё непритворная сердечность,
когда одна душа у другой души
и согрется и отдохнёт бесплатно.
Не зря на Руси равняется награде
звание сердечный человек.
Соплеменник мой, человек занятый,
прошу тебя, сделай усилие над собой —
остановись, присядь, подумай,
побудь с мыслями наедине...

КОШКА МАНЬКА

Это была настоящая кошачья богиня
в бело-серой пушистой накидке,
с поступью миниатюрной пантеры,
изучающим прокурорским взглядом
и совсем не звериным умом.
Ах, Манька, Маня, Манечка...
Бездомная с рожденья, вдобавок и увечная
(полхвоста ей “отгрыз” мороз),
познавшая ежедневный голод,
она души не чаяла в отце, давшем ей хлеб и кров,
и старалась ответить добром на добро.
Как целитель, чуя опасность, она с первых же дней
не зря топталась и лежала на животе отца,
будто предупреждала: надо лечиться, надо лечиться.
Эх, как жаль, что никто не понял жеста Маньки,
и отца безвременно победила беспощадная хворь.
Поистине человеческой тоской веяло от неё,
когда она осталась без спасителя,
и в те чёрные дни, и после, словно боясь одиночества,
ни на шаг не отходила от мамы,
всюду сопровождаая, как верный телохранитель.
Я так и вижу их, как на фото:
вот Манька с мамой пошли то в магазин,
то за водой к колодцу, то встречать овец из стада,
то косить траву за огородом...
О, время, время — суровый хозяин бытия!..
Там, где они, не бывает зла,
отсутствуют пасмурные дни,
разрозненные души вновь соединены.
И, наверно, в эту минуту
Манька вместе с мамой идут райской тропинкой
куда-то по делам, а отец им улыбается вслед,
стоя возле нашего новенького дома,
тоже давно улетевшего столбом дыма в небеса.

ВКУС МОЕГО ВРЕМЕНИ

Не знаю, плохо это или хорошо,
но я демонстративно остался в своём времени,
прозванном врагами русских равнин
совковой застойной мутью.
Возраст позволяет мне сделать вывод:
чужое время пресно и безвкусно.

Моё было как сало с чесноком и чёрным хлебом
или жигулёвское пиво с вяленным лещом.
Его не портил даже горьковатый привкус
чего-то недосказанного и утаённого:
жизнь — это большой гардеробный шкаф
со спрятанными внутри скелетами,
и все явные и ложные тайны, как главы книги,
так или иначе ведут сюжет к финалу.
Возможно, в этом виновата молодость:
там я был парень — кровь с молоком,
впереди была только что початая жизнь,
и добрая надежда — птица счастья —
звала изведать возвышенное, неизвестное,
испытать себя и отвагой, и трудом.
Мы, по порядку первые послевоенные,
не стали поколением перелётных птиц,
не искали лёгкой наживы и блатного плеча,
мы упорно продолжали дело отцов,
Родину к свету шаг за шагом выводя.
В том, что нас и тогда надували ловко,
не наша, советских блаженных, вина,
веривших слову так же, как и молитве,
и не признававших во лжи той силы,
с коей она, подлая, к нам явилась потом.
Пусть это останется на совести власти,
если, конечно, она у неё ещё есть.
Нам было грех обижаться на время,
связавшее поколения общей судьбой,
поэтому его мы, как друга, не бросим
и заберём в дорогу последнюю с собой.

ТАНЦЫ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Нине Макаровой

Годы шестидесятые.
Космические.
Приподнятые.
Юности ясноокой сиреневые дни.
И танцы, притягательные танцы,
что любили без памяти мы.
Какие диджеи и электрогитары?!
Гармошки Шуни Елантьева и Сани Аксёнова
тогда заменяли нам и радиолу, и магнитофон.
Ах, эти кнопочки белые,
ах, эти кнопочки чёрные,
меха раздувались,
как щёки трубача!
Под бегущими пальцами,
словно стрекозы, выпархивали звуки
вальса простого и “дамского”,
медленного танго,
песен блатного рóзлива —
романтики тех лет.
И “цыганочку” с выходом, и вихрь твиста,
вдобавок к русской кадрили — чарльстон —
всё мог умело и душевно
гармонист по просьбе сыграть.

А как дробили “сербиянку”
и плясали под частушки
с белозубой улыбкой до ушей!
Подростки — девчонки и мальчишки,
девушки и парни в поре,
озорная поросль тех насытых лет, —
как мы любили танцы, бесхитростные танцы,
словами это не передать!
Именно там от смущённого взгляда
и прикосновения желанных рук
рождались чувства досель незнакомые,
что остались в памяти на десятки лет...

ОДА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ты была первой,
кому нараспашку белым парусом
моё открылось сердце,
видя, как в ответ берегом зовущим
распахнулось твоё.
Кем были мы в те обжигающие мгновенья
в необъятной человеческой вселенной,
ровняющей после себя прошлым
все жизни в одну невидимую линию —
воспоминания пролетевших веков?
Две сиреневые грозди
под живительным дождём
печальной юности.
Нам тогда не были известны
ни бездонные пропасти предательства,
ни безжалостная удавка измены,
ни ядовитая вязь досужих сплетен,
ни перцово-жгучая тоска разлук.
Как новые прилежные ученики,
мы под покровительственной луной
читали в благословенной тишине
в вопросительных глазах друг друга
любви таинственный букварь.
О, румянец уместного смущенья,
пальцев стыдливый трепет,
поцелуй неумелый, но честный,
короткие, на часы, расставанья,
длиною чуть ли не вечность.
Мы были счастливы как никто,
мимоходом зашедшие в рай земной,
где на самой радостной дороге
нам истина открылась бытия,
что любовь — и улыбка, и слёзы Бога,
и память пожизненная — твоя и моя.

ЗАПОЗДАЛАЯ МУДРОСТЬ

Всё то же самое, что было до меня,
будет и после:
с годами начинаешь любить людей за то,
что они есть и что они такие же, как ты, —

некоторые, быть может, лучше,
некоторые — похуже, с точки зрения общества,
но у всех такое же бренное тело
и такая же таинственная душа,
темнее потёмок,
и все хотят бессмертья,
не понимая его сути, высосанной из мечты.
Да и зачем оно, если устаём от десятков лет жизни,
данной нам взаимы
за очередное воспитание души?
Вместе с людьми начинаешь любить
растения, деревья, насекомых, рыб,
птиц, зверей, животных, воды, землю, —
переступаешь через букашку,
не жадничаешь насчёт выловленной рыбы
или добытого зверя — сколько есть, столько и есть,
гладишь бездомную кошку,
выносишь чужой собаке кусок хлеба,
кормишь зимою птиц,
стесняешься помочиться в реку,
рыдаешь в тишине родных полей...
Глядя в небеса и размышляя о смерти,
мысленно думаешь о Боге,
стесняясь вытащить его образ
из своей атеистической памяти;
робеешь, впервые осеняя себя
Крестным знаменем;
выйдя из храма, удивляешься
внезапному приливу радости в душе,
словно тебя поздравили с очередным внуком...

*Самобытному сибирскому поэту
Владимиру Петровичу Андрееву исполнилось 65!
Поздравляем нашего автора
и желаем ему крепкого здоровья и творческих успехов.*

Редакция